

2021, № 1, 18-30	<i>Литературоведение</i>
https://doi.org/10.46991/BYSU:H/2021.7.1.018	

РУССКИЙ ПЕРЕВОД РОМАНА Х. АБОВЯНА «РАНЫ АРМЕНИИ»

АСМИК ШАТИРЯН

Аннотация. Статья посвящена анализу перевода романа Хачатура Абовяна «Раны Армении» на русский язык, осуществленного С. Шервинским. Этот первый в истории новой армянской литературы роман долгое время считался непереводаемым ввиду многообразия стилевых и стилистических регистров, представленных в произведении. Приводится анализ разнообразных переводческих решений, к которым прибегал С. Шервинский при воссоздании национального колорита, а также присущего роману стилистического «многоголосия». Особое внимание уделяется приемам передачи на русском языке армянских устойчивых конструкций, фразеологизмов, пословиц и реалий.

Ключевые слова: *Х. Абовян, «Раны Армении», С. Шервинский, национальный колорит, стилистическое многоголосие, перевод фразеологизмов и пословиц*

Сегодня, когда наша страна, вновь оказавшись на перепутье геополитических интересов крупных держав, стала перед угрозой потери своей государственности и национальной идентичности, нам представляется своевременным еще раз обратиться к бессмертному роману Хачатура Абовяна и вспомнить то, о чем говорил и что он завещал нам, своим потомкам.

В истории новой армянской литературы роману Хачатура Абовяна принадлежит исключительное место. Во-первых, это первое произведение, посвященное важнейшему историческому событию своего времени – вхождению Восточной Армении в состав Российской империи, поэтому идея романа, связывающая будущее армянского народа с Россией, оказалась настолько созвучной чаяниям армянской общественности, что этот роман стал настольной книгой для многих поколений армян. В своей статье «Хачатур Абовян и "Раны Армении"» Аветик Исаакян так писал о впечатлении, которое произвело это произведение на молодых людей его поколения: «...мы не были подавлены армянским горем, но, хоть и преисполнились жаждой мщения, однако в большей степени загорелись патриотизмом, мужеством, героизмом и

окрылились видениями пленительного будущего»¹.

Во-вторых, написанный на диалекте Араратской долины, который благодаря Х. Абовяну стал основой нового литературного языка – ашхарабара, роман «Раны Армении» стал первым произведением, созданным на понятном простому народу языке.

Роман вместил в себя и широкий охват общественно-политической жизни страны, и описание народного быта, и многочисленные экскурсы в историю, и страстную публицистику, направленную как против церковно-клерикального застоя, так и христианской концепции противопоставления злу. И еще: здесь впервые со свойственной Абовяну страстностью прозвучали призывы к дружбе между русским и армянским народами.

В 1948 году роман был издан на русском языке в переводе Сергея Шервинского. В дальнейшем этот перевод неоднократно переиздавался, так и оставшись единственной русской версией «Ран Армении». Но почему никто из переводчиков не повторил опыт Шервинского, в то время как произведения других армянских классиков появлялись в новых, более совершенных переводах? Ведь давно уже замечено, что переводы устаревают быстрее, чем их оригиналы. Чешский теоретик художественного перевода Иржи Левый объясняет это явление двойственным характером перевода: «Переводное произведение представляет собой помесь, гибрид. Перевод – произведение не монолитное, это взаимопроникновение, конгломерат двух структур: с одной стороны есть содержание и формальные особенности оригинала, с другой – целый комплекс художественных черт, связанных с языком переводчика. В произведении оба эти пласта или, скорее, взаимодействующих качества, находятся в постоянном напряжении, которое может вылиться в противоречие... Противоречивость переводного произведения – одна из главных, если не считать недолговечности языка перевода, причин, почему переводы стареют быстрее, чем подлинники»².

Роман «Раны Армении» в силу сложности формы и многообразия стиливых и стилистических регистров представляет для перевода огромные трудности. Более того, долгое время его даже считали непереводаемым. Укоренению подобного мнения способствовал ряд неудачных попыток перевода, предпринятых ранее. И вот в 1948 году в свет вышла русская версия «Ран Армении» С. Шервинского. Это издание, приуроченное к 100-летию трагической гибели Абовяна, было правительственным заказом, и когда обсуждался вопрос о переводчике, он

¹ Ավ. Բաաիակյան, Խաշտոուր Արոյանը և «Վերք Հայաստանի»-ն // Բաաիակյան Ավ. Երկերի ժողովածու վեց հատորով, հ. 5, Եր.: Սովետական գրող, 1977, էջ 174:

² Левый И. Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974, с. 99-100.

был решен в пользу Сергея Шервинского, литератора, к тому времени имевшего уже большой опыт работы на этом поприще. В пользу Шервинского говорило не только его незаурядное творческое дарование, но и основательное знание армянской литературы и культуры, чему способствовало его участие как переводчика в брюсовской антологии «Поэзия Армении».

Но для успешной работы Шервинскому, не владеющему языком оригинала, требовался авторитетный консультант. Таким человеком явился Мамикон Геворкян, выполнивший подстрочный перевод романа. Филолог, прекрасный знаток обоих языков, составитель русско-армянских словарей, он знал такие тонкости армянского языка, культуры и истории, которые доступны не каждому профессиональному переводчику. Эта работа была успешно выполнена в первую очередь потому, что каждый из переводчиков привнес в нее то, чего не доставало другому. И потому здесь можно с уверенностью сказать, что русский перевод «Ран Армении» – плод сотворчества С. Шервинского и М. Геворкяна, роль которого, кстати, постоянно подчеркивал сам Шервинский.

Проникнуть в творческую лабораторию переводчика нам позволяет статья С. Шервинского «Работа над переводом», опубликованная в 1948 году в республиканской газете «Коммунист». Первая задача, которую осознал и поставил перед собой С. Шервинский, – это необходимость слиться с творческим «я» автора, проникнуться его идеями, образом мышления, его пламенной воодушевленностью. Как писал К. Чуковский, «гораздо чаще достигают точности те переводчики, которые питают к переводимым авторам такое сочувствие, что являются как бы их двойниками. Им не в кого перевоплощаться: объект их перевода почти адекватен субъекту»³.

«В редком переводе, – пишет С. Шервинский, – задача сохранения темперамента подлинника встает с такой требовательностью. Само произведение, однако, с первых страниц настолько сильно, что переводчик не может отстать, его творчество с автором не может превратиться в равнодушное мастерство. Для того чтобы творчески слиться с Абовяном, необходимы, разумеется, еще и иные предпосылки: надо любить армянский народ, надо, чтобы в сердце болели раны его исторической судьбы, надо узнать его прошлое и настоящее. Ключом к воссозданию на ином языке, в данном случае на русском, художественных особенностей «Ран Армении» является определение тех элементов, из которых состоит бурная, характерная, иногда вычурная, всегда сложная, изобилующая периодами проза Абовяна» (газета «Коммунист», 1948, №226).

³ Чуковский К. Высокое искусство. М.: Советский писатель, 1968, с. 44.

Главное, что определяет оригинальный стиль Абовяна и что подчеркивают все исследователи его творчества – это необычайно активное, выразительное слово, а также богатство стилистических способов выражения каждой идеи, картины и мысли, что позволяет говорить о стилистическом «многоголосии» в широкой системе единого авторского стиля. Данное утверждение мы еще поясним и проиллюстрируем на конкретных примерах, а пока вернемся к С. Шервинскому. Изучение художественных особенностей и стиля романа привело переводчика к определенным выводам.

Первым и основным понятием, которым можно охарактеризовать роман, по мнению С. Шервинского, является народность. «Народным языком отличаются не только те сцены, где автор вводит нас непосредственно в крестьянский быт. Все произведение в основе своей демократично, народно. Язык канакерского крестьянина является в значительной степени языком самого автора, вооруженного русской и западноевропейской образованностью. Поэтому какой-нибудь абзац может в себе совмещать чисто литературную речь с неожиданным народным оборотом. От этого стиль Абовяна приобретает особую теплоту и просто прямую разговорность. Своеобразная, привлекательная своей живостью народность языка романа не должна быть приглажена при переводе, – наоборот, переводчик должен пользоваться тем же приемом, что и автор». Основные элементы прозы Х. Абовяна, которые отмечает С. Шервинский, – это сентиментализм, черты романтической поэтики и публицистические высказывания. Перечисленные особенности произведения Х. Абовяна переводчик объясняет личностными чертами его характера, его творческой натурой, пылкой, склонной к противоположным душевным настроениям, – его высокой гражданственностью, а также принадлежностью автора своей эпохе. Будучи сыном своего времени, – считает Шервинский – Абовян не мог не отдать дань все еще живым традициям сентиментализма.

«Указанные элементы сочетаются в романе бессистемно, несутся в едином бурном потоке, и сосредоточенное внимание переводчика должно быть направлено к тому, чтобы сохранить их сочетание во всей его выразительности. Передать «Раны Армении» единым стилем – значит уничтожить Абовяна как художника, сделать из выразительного лица бесцветную маску. Итак, работу над «Ранами Армении» едва ли можно приравнять к обычным переводам прозы. Это, с одной стороны научная работа, с другой – творческое воссоздание высокопоэтического текста, требующее вместе с тем постоянной догадки и уяснения непонятных мест». Как видим, переводчика отличает необычайно серьезное и почтительное отношение к своему труду.

Одна из характерных особенностей абовяновского стиля – это большие синтаксические периоды, написанные на одном дыхании предложения, занимающие целую страницу, а то и больше. В качестве примера можно упомянуть отрывок из эпилога «Занга», который является, с одной стороны, романтическим описанием бурной горной реки, а с другой – символом поднявшихся на борьбу сил; Занга, которая должна «слиться в поцелуе» со старшей своей сестрой Волгой. Этот огромный период, характерный для синтаксиса романа, мы, к сожалению, не можем привести, исходя из соображения экономии места, но смеем утверждать, что он, как и другие аналогичные отрывки, переведен Шервинским с виртуозным мастерством.

Теперь проиллюстрируем передачу в переводе того сложного элемента «Ран Армении», которую мы выше назвали стилистическим многоголосием. Обратимся к характеристике главного героя романа – Агаси. Это смелый и ловкий юноша, краса и гордость всего села, «все клялись его головой». Его внешность и поступки описываются автором возвышенно-романтическими красками.

«Նրա սուրահի բոյր, նրա թուխ-թուխ աչքերը, նրա դաշամով քաշած ունքերը, նրա աննման գեղեցիկ պատկերը, նրա անուշ լեզուն, քաղցր ձենը, նրա լեն թիկունքը, բարձր ճակատը ու ոսկեթել ճալվերը, մարդի խելք էին տանում, տեսնողը մաթ էր մնում, չէր կշտանում: Մազը ձենն առածին պէս, քարին, փետին շունչ, հոգի, լեզու էր տալիս» (25-26)⁴. – «Отменный рост его, темные-претемные очи, брови, словно пером очерченные, лицо красоты бесподобной, сладкая его речь, приятный голос, широкие плечи, высокое чело и золотистые кудри всякого сводили с ума: кто посмотрит – изумится, и нет глазам насыщения. Когда брал он в руки саз, в тот же миг камни, деревья – все начинало дышать, одушевляться, говорить» (43-44).

С. Шервинский, согласно поставленной перед ним задаче, вводит в перевод элементы романтической поэтики – «высокое чело, золотистые кудри и т.д.». Причем, «высокое чело» по стилистической окраске выше, чем более нейтральное «բարձր ճակատ» – *высокий лоб*; наряду с этим в описании внешности героя присутствуют и устойчивые эпитеты, больше характерные для устного народного творчества (*темные-претемные очи, брови, словно пером очерченные*). В обыденной жизни Агаси – славный деревенский парень, кроткий в своем патриархальном почтении к родителям и старшим. О себе он говорит так: «Ղորդ ա՛կարթալ, մարթալ չէ՛ւ գիտում: էշ կերել էս՝ էշ մեծացել: Ես ի՞նչ

⁴ Здесь и далее оригинал цитируется по изданию: Արմավիւն Խ. Վերը Հայաստանի – Եր.: Սովետական գրք, 1981, а русский перевод С. Шервинского – по книге: Абовян Х. Рань Армении. Ер.: Советакан грох, 1977. Соответствующие страницы указаны в скобках после цитат.

գիտեմ՝ տերտերն ի՞նչ ա, ժամն ինչ: Էդպէս բաները էս հաստ գլխումը՝ հազար տարի էլ ասեն, մեննիմ, կտրիմ, ոտներս քարեքար տամ, տուն չի՛ գնալ, տուն: Պարտականը նա ըլի՛ որ ինձ կարթալ չի սովորցրել, ամա բանը մենակ կարթալումը չի: Ինչ կուզե ասեն, էս իմ կոպիտ գլխովը էնպէս եմ կարծում, նհախ տեղը՝ դատած մալը ուտիլը ու դարդակ քնիլը, հարամ ա: Մարդ պետք է ինքն էլ աշխատի, որ կերածը հալալ ըլի» (23-24). – «Правда, я читать-писать не учен. Ослом родился, ослом и вырос. Почему я знаю, какой такой поп, какая такая церковь? Этакие мудреные вещи в мою толстую голову не лезут, не лезут да и только, хоть тысячу лет мне тверди, хоть помри я, тресни, хоть ноги об камни оббей! А вина на том, кто не научил меня читать. Но дело не в одной только грамоте. Говорите, что хотите, но я своей неотесанной башкой так сужу: поедать кривдой нажитое добро да спать целый день в праздности – это нечестно. Человек должен сам работать, чтобы честно хлеб есть» (42).

В данном отрывке мы видим разговорные конструкции (էս ինչ, գիտեմ՝ տերտերն ինչ ա ..., դատած մալը ուտիլը ու դարդակ քնիլը՝ հարամ ա ...) и многочисленные ориентализмы, прочно вошедшие в простонародный армянский язык. Для передачи этого диалектного языка С. Шервинский пользуется грубовато-вульгарными словами и просторечными выражениями (читать-писать не учен, почему я знаю, какой такой поп, какая такая церковь, хоть помри я, хоть тресни, неотесанной башкой и т.д.).

Но вот Агаси выходит в поле и его охватывает восторг перед природой, радость ощущения бытия: «Աչքս մոլորված էս թփից էն թուփ, էս սարից էն սարն ա ընկնում՝ ծառի տակին ասես, սարի գլխին ասես՝ մտիկ անելով աչքս շաղվում, ջուր ա կտրում: Հենց գիտես մեկ ձեն, մեկ թև, մեկ աներևույթ հոգի՝ տերևները խշշալիս, դուշը թրչելիս, աղբյուրները քրքրալիս, բյուրբյուրը երգելիս, հովը փչելիս, շաղը երեսիս թափիլիս ամպը գոռալիս, անձրևը գալիս՝ ինձ ձեն էլի տալիս, ինձ ձեռով էլի անում ինձ վրա խնդում՝ թե վայելի՞ր էստոնք՝ հողածին մարդ, բարի կա՞ց բարություն ա՞րա, արարչիդ մեծությունը ու ինձամբը ճանաչիր, ծառի պես պտուղ տուր, ծաղկի պես հոտ, սարի պես աղբյուր, դաշտի պես մասիլ, երկրի պես հաց, երկրի պես լիս, վայելի՞ր աստուծո բարությունը, ուրըջին էլ փայ տու՛ր... » (30). – «Блуждающий взор мой перевозжу с куста на куст, с горы на гору. Взгляну ли я на корни древесные иль на горную маковку, очи мои мутятся, помрачаются. Прошуршат ли древесные листья, пролетит ли птица, журчит ли родник, или соловей поет, дует ли ветер, ложится ли роса на лицо мое, загремит ли гром, польётся ли дождь, мнится мне чей-то голос, чья-то рука, чья-то душа незримая, взывающая ко мне, манящая ме-

ня, радующаяся обо мне, – и будто говорит: «Вкушай все сие, земнородный человек, будь добр, твори добро, познай величие и попечение создателя, плодоноси, как дерево, благоухай, как цветок; порождай ключи, как гора; злаки, как поле; хлеб, как земля; свет, как небо; наслаждайся господними благами и другому уделяй долю... » (38-39).

Это уже не обыденные размышления, а эмоциональный всплеск, ликование человека, и потому стилистика этого отрывка меняется, появляется торжественность, хотя языковая фактура его в оригинале остается прежней, встречаются те же просторечные выражения (*սիւրի ... ջուր և փրկում*) и слова (*դուր* – птица, *հիւսկիր* – ента). В переводе стиль меняется еще резче. Помимо введения «высокой» лексики (*взор, очи, вкушай сие* и т.д.), Шервинский прибегает к использованию инверсий (*лицо мое, душа незримая, взгляну ли на корни древесные*) и риторических сравнений (*плодоноси, как дерево; благоухай, как цветок*).

Думается, что это верное переводческое решение. Каким бы «ослом и неучем» ни был Агаси, обуревающие его возвышенные чувства он должен выражать именно в такой форме. Как бы ни отвергал он официальную церковь и ни понимал произносимых там проповедей, в его голове не могла не запечатлеться эта терминология. Да и кроме Библии, других источников знания у простых людей того времени не было. Есть и еще одна серьезная объективная причина, определившая подобный подход переводчика к этой работе. Для выражения идейного замысла и формы «Ран Армении» автор и переводчик пользовались разным «строительным материалом». Если Х. Абовян использовал диалектный язык и если в этом смысле его роман был новаторским, своеобразным крупным экспериментом, служившим решению актуальных задач того времени, то С. Шервинский имел дело с давно устоявшимся литературным русским языком, а его перевод был рассчитан на более «совершенного читателя», как в смысле знаний, так и возросших литературных вкусов. С. Шервинский вовсе не «приглаживает» язык оригинала, просто язык перевода на тон выше подлинника, и от этого перевод только выигрывает. Переводчик очень чуток к любым изменениям, любой смене эмоционального состояния автора. Он чуток также и к своему родному языку и потому умело и щедро использует все приемы и средства русского языка для выражения мыслей и чувств, заключенных в романе.

И все же самой сложной задачей для переводчика является воспроизведение национального колорита оригинала. Здесь уместно вспомнить несколько шутливый по форме, но по сути – очень серьезный суд, «устроенный» К. Чуковским над теми переводчиками, которые пренебрегли национальным колоритом оригинала. Всем понятно нехитрое правило: просторечие следует переводить просторечием,

диалектизмы – диалектизмами. Но как? И К. Чуковский дает ответ: «Именно потому, что дело идет об искусстве, таких правил вообще не существует, никаких универсальных средств нет. Все зависит от каждого индивидуального случая. В конечном счете, судьбу перевода всегда решают талант переводчика, его *духовная культура*, его *вкус*, его *такт*»⁵.

В романе «Раны Армении» национальный колорит не некая внешняя форма, не просто отдельные трудные в переводческом аспекте части произведения, а сама суть его. Это особый образ мышления, особое чувствование.

В романе описывается масленица в селе Канакер, куда среди всеобщего веселья врываются слуги персидского сардара, чтобы увести для гарема своего господина юную Тагуи. Рамки данной статьи также не дают возможности рассмотреть весь пространственный отрывок, воспроизводящий причитания матери Тагуи, но мы смеем утверждать, что перевод передает трагизм происходящего и близость этих причитаний к народной поэтической речи. Например: «Հոգի չ'ես սովել, կրակ էս սովել, որ էրվի, ինքը ջիւանիս, մեր ջանը փոթոթի ...» – «Не душу ты мне дал, ты огонь послал, чтобы горел внутри и тело сжигал».

В случаях, когда перевод почти дословно воспроизводит чуждые русскому языковому сознанию выражения, то раскрытию их смысла служит весь контекст. Например: գլխիդ մտնիս գնիմ (досл.: за голову твою жертвой пойду) переведено: *жизнь мою в жертву бери*; տնտնի մեռնիմ переведено: *умру за имя твое*; շիտնուր արքերիդ դուրսի ըլիմ ... էրեսս ուիդ տակը դիմ переведено: *за очи твои голубые всю себя отдам ... лицо свое под ноги тебе положу*.

Вообще же нужно заметить, что С. Шервинский старается не перегружать текст армянскими речевыми клише и по мере возможности от них избавляется, как, например, от характерных восточных восклицаний *միտնի, հարիտնի* (переведено: *горе, на помощь!*) или *ազիզ ջան* переведено: *ненаглядная ты моя*. Однако в названном отрывке следует отметить и неудачный перевод выражения *արքի ըլիս ցես մեծարի* (досл.: *растила, как свет очей моих*), которое Шервинский перевел: *как глаз свой берегла*. Это выражение имеет русский эквивалент: *берегла, как зеницу ока*, который, на наш взгляд, лучше бы вписался в этот благозвучный текст.

В романе много сугубо армянских выражений со словом *солнце*, где оно употребляется в значении *жизнь* или *принесение себя в жертву*. И перевод довольно близко воспроизводит эти фразы. Например, вот как оплакивает погибшего Агаси его друг Муса: «Արքի Հիտնի

⁵ Чуковский К. Высокое искусство. М.: Советский писатель, 1968, с. 169.

խանր հանիլ սվեց, ու ու ձեռ նրան դուրրան ըլան՝ Աղա՛սի ջան... Քեզ հետ կյանքս քաջեցի, առանց քեզ թող չըլի, քո կոտորի սրևս քաց էլավ, իմ առաջին քննր մեր մտավ» (279-280) – «Глаза мои Гасан-хан приказал выколоть, ноги и руки мои достались ему жертвой, Агаси джан... Я провел жизнь с тобою – без тебя да не будет ее. Рядом с тобою возшло мое солнце, передо мною твое зашло» (275).

Все эти выражения идут из далекого язычества; в народной традиции сохранилась не только эта фразеология, но и некоторые языческие обряды, взять хотя бы «матах», когда в честь какого-нибудь особенно радостного события, например, выздоровления, спасения человека, приносят в жертву животное и угощают его мясом прохожих. Конечно, все эти обычаи и созданные на их основе фразеологизмы без специального объяснения непонятны иноязычному читателю, а принцип простого калькирования на русский язык представляется спорным. Все эти бесчисленные выражения, отражающие особенность армянского национального мышления, такая же неотъемлемая часть произведения, как и все прочие элементы, создающие неповторимое своеобразие «Ран Армении». Думается, что при прочтении романа читатель, встречая их многократно, в различных контекстах, сумеет проникнуться пониманием своеобразия и оригинальности национального мышления, а их смысл, пусть и не полностью, все же дойдет до него.

Теперь приведем несколько примеров перевода пословиц, поговорок, фразеологизмов.

«Աստծու աչքը որ քաղցր լինի՝ մատաղի գառը իրան ոտով և կզի դուռը, ասի՞ ի» (253). –

«Ежели есть благоволение божие, ягненок жертвенный сам к твоим дверям подойдет» (250). В этом случае смысл пословицы понятен, а контекст служит ее раскрытию: обстоятельства складывались очень удачно, и это помогло Агаси и его храбрецам одержать победу над войском Гасан-хана.

В другом месте романа повествуется о зажиточности сельских богатеев *«Տունն ու շիրիանեն հազար քարոթյունով լիքը՝ տարբու էին ու Աստծու հոգի կար միջընդուն, մեկ օձի ձուն էր սպիտա նրանց տանիքը:» (32) – «Зато у каждого и дом и погреб битком набиты – благодать божья, разве что змеиногo яйцa не найдешь» (49).* Хотя в русском языке и есть эквивалент этой идиоме – «разве что птичьего молока нет», однако близкое ее воспроизведение вовсе не меняет смысла и передает своеобразие армянских идиом.

Но вот автор рассказывает о взаимоотношениях Агаси с отцом: *«Էն հասակը հասել էր, նա նրան մեկ չոռ չէ՛ր ասել, չէ՛ր էլ ասել թե աչքիդ վերնն ունք կա, յա ծուխը դեպի քեզ» (41) – «Достиг такого возраста, он ему ни разу не сказал «чор» (непереводимое слово, здесь – окрик,*

одергивание), *не сказал и, мол, у тебя над глазами брови есть, или дым к тебе»* (37).

Эти выражения, способные вызвать у русского читателя недоумение – устойчивые фразеологизмы, смысл которых может быть понятен лишь носителю языка («над глазами есть брови» означает, что отец не делал ему даже малейшего замечания, ни разу не нагрубил; «дым к тебе» означает «чтоб тебе плохо было»).

Рассмотрим художественный перевод этого отрывка: *«Вот уже стал Агаси и взрослым юношей, а ни разу отец не сказал ему жестокого слова, ни разу не выразился, что, мол, у тебя глаз за бровями не видно или – чтоб дымом на тебя понесло»* (37). На наш взгляд, это тот случай, когда переводчик мог бы отойти от армянского текста и передать смысл этих идиом в более понятной форме.

Все эти примеры лишь доказывают ту истину, что каждое правило имеет исключения; другими словами, даже имея четкую установку на определенное воспроизведение художественных особенностей произведения, переводчик не может везде использовать один и тот же прием, каждый случай имеет свое решение, продиктованное законами и традициями языка перевода.

Впрочем, следует отметить, что нередко в тех случаях, когда возможно пояснить смысл армянских выражений, сделать их более понятными для русского читателя, переводчик делает это. Вернемся к причитаниям над телом убитого Агаси: *Վի յ իւ գլխի, արևի* (досл.: Ах, моей голове, моему солнцу!), – восклицает один из друзей. Переводчик воспроизводит это так: *Горе мне и жизни моей!* (286).

А вот отрывок из размышлений Агаси о несправедливом устройстве мира: *«Արդ եւ ասել թէ շին կարդացողի ծովը բարակ կրի, կիս թէ չ'է կրորրիս»* (22). Буквально: «верно сказано, что у читающего много мозг тонким станет (т.е. в голове ума не останется – А.Ш.) или, того гляди, отуречится». Герой вкладывает всю свою антипатию в слово *կրորրիս* (*отуречится*); вероятно, любому армянину будет понятен негативный смысл, вложенный в это слово. Но для русскоязычного читателя, плохо знающего историю Армении, слово «отуречится» вовсе не передает заключенный в нем отрицательный смысл. С. Шервинский перевел это так: *«Верно сказано, кто век над книгой корпит, у того мозг в костях жидкий, в голове ума нет, а то еще, пожалуй, обасурманится»* (40). Басурман – это чужак, враг, поэтому в данном контексте это хороший эквивалент.

Наконец, есть еще один вопрос, который нельзя не затронуть, говоря о воссоздании национального своеобразия «Ран Армении». Это проблема передачи реалий. Обширное множество представленных в романе реалий можно распределить по двум группам: а) реалии,

имеющие чисто армянское происхождение и б) слова общевосточной лексики, идущие, в основном, из турецкого и персидского языков (сардар, фараш, игит и т.д.).

Известно, что перевод реалий с одного языка на другой может быть осуществлен различными способами: транслитерацией (автоматическим перенесением слова из одной языковой системы в другую, с пояснением его в примечании), аналогом (подбором в языке перевода близкого по содержанию слова) и описательным способом (толкованием слова в самом тексте). В переводе «Ран Армении» больше всего используется способ транслитерации, о чем свидетельствует обширный список пояснений слов, данный в конце книги.

Вот отрывок из первых страниц романа, где описывается обыденная жизнь села Канакер:

«Հարգևոր հարսերը՝ սաղարույր գլուխաթափնի օշմաղը մինչև բթբնների կեսը խոր քցած, քող ու լաշակի ծերը աչքերի տակը խոր քաշած՝ որ էլ երեսները չէր երևում, մեկ դարայի կամ դադաք մինթանա հաքրներին, մովի կամ կտավի շապկով զարդարած՝ մեկ մեծ գոտկով մեջքները չորս տակ, հինգ տակ կապած՝ դշի պես կուփ կուփ վեր թրռան՝ երեսներին մի քիչ ջուր քսեցին՝ փեշով սրբեցին ու որն սկսեց տունն ալիել, որը դուռը սրբիլ, որն էլ չախմախին տվեց, կրակ արեց, որ թունդիրը վառի ու տան թաղարեք տեսնի, պղինձները վրեն դնի ու կերակուրները էփի» (38). – «Стыдливые молодки, подтянув до полнота золотом расшитый ошмак, опустив вуаль и край лечака ниже глаз, так, что лица их вовсе оказывались невидимыми, надев шелковую минтану, нарядившись в канасовую или полотняную сорочку, вчетверо или впятеро обмотав вокруг талии широкий кушак, – легко и проворно, словно птички, слегка попрыскали на лицо водицей, утерлись полою, и одна стала подметать пол, другая убирать двор, а третья уже высекала огонь из кремня, чтобы затопить тондыр и заготовить что надо, расставить котлы и приготовить пищу» (33-34).

Здесь представлены чисто этнографические, бытовые реалии; не только русский читатель, но и армянин может не знать, что такое «ошмак» или «минтана»; эти детали одежды армянской крестьянки XIX века в настоящее время можно увидеть разве что в этнографическом музее. Безусловно, в данном случае возможен только способ транслитерации реалий: не мог же переводчик рядить армянок в сарафаны и кокошники, а армянский тондыр – яму в земляном полу для выпечки хлеба – превратить в русскую печь.

Далее читаем: «Սովորական կերակուրներն՝ մեր երկրի սրանք են. բոգրաշ, կամ բուֆթա, կամ խաշ, տոլմա, խորոված կամ խաշած ձուկը, գառան մսով փլավ, խաշած հավ ու ոչխարի խորոված, որ

*հենց էնդէղ նէտ բոխարուր խորովում ու շատ անգամ շահփրով՝
ւաք տաք իրար թափազի անում» (54). – «Обычные кушанья у нас в
стране следующие: бозбаши, куфта, хаш, толма, рыба жареная и вареная,
плов с бараниной, вареная курица и шашлык из барашка - его
поджаривают тут же в бухари и частенко прямо на вертеле, с пылу с
жару подают друг другу» (69-70).*

В данном случае перечисленные реалии *бозбаши, куфта, хаш, толма*, обозначающие традиционные блюда армянской кухни, особой роли не играют, поскольку и этот отрывок – продолжение описания армянских нравов, обычаев, изображению, которым отводится немалое место. Потому С. Шервинский, как и в первом случае, переносит слова в русский текст в их «первозданном» виде, хотя, к примеру, «толму» можно было перевести словом «голубцы». Что касается слова «бухари», обозначающего восточную настенную печь, то и здесь переводчик не решился воспользоваться его функциональным аналогом «камин» (как объясняет он это слово в примечаниях), поскольку бухари, в котором, как видим, при желании можно даже поджарить шашлык, отличается от классического английского камина, с которым неизменно связаны наши представления об этом символе домашнего уюта.

Рассмотрим еще один пример: «Քրդին հազար տարի փփփ, թէ
հնդուհալի միր, դարևո փլավը հիանալի կերակուր և, տո վոր նա
իր օրուր նրանց հաւր չի տեղ, իր սոխն ու մածունը, թանն ու ճարը
կրթող, քո փոճին տկանը կանի, խելքդ ի նչ և կտրում» (94). – «Хоть
тысячу лет тверди курду, что индейка и каблу-плов – отличные кушанья,
но раз он их не ел, оставит разве он свой лук и простоквашу, творог
и просяной хлеб, станет он разве тебя слушать, – как ты думаешь?»
(106-107).

Здесь, передавая реалии «մածուն» и «թան», переводчик прибегает к аналогам, хотя «мацун» не совсем простокваша, а «тан» и вовсе не творог, а приготовленный из мацуна прохладительный напиток. Но в этом случае воспроизведение реалий не имеет принципиального значения, главное то, что перевод передает мысль автора: никогда простой человек не предпочтет привычной ему пище даже самые изысканные блюда, а еще шире – не может психология человека измениться сразу.

Конечно, отдельные решения в воспроизведении художественных особенностей «Ран Армении» можно оспаривать, и это естественно: во-первых, в творчестве не может быть единственно верных решений и единых мнений на все; и потом, редко когда при переводе приходится сталкиваться с таким количеством трудностей и неразрешимых на первый взгляд задач. Но дело сделано и сделано прекрасно. С. Шервинский познакомил огромную аудиторию русскоязычных читателей с бессмертным памятником армянской литературы, дал достойное вос-

произведение «Ран Армении» на русском языке, опровергнув тем самым устоявшееся мнение о «непереводимости» этого романа, и потому этот перевод остался в литературе его единственной русской версией.

А нам, потомкам Хачатура Абовяна, нужно помнить заветы великого патриота: «Восстаньте, храбрые потомки Гайка, возьмите оружие и доспехи, благородные сыны Армении, ударьте, уничтожьте полчища врагов ваших, – душа в душу, плечо к плечу. Да сокрушится поверженный зверь. Могучая рука Руси да будет вам опорой».

ՀԱՍՄԻԿ ՇԱՏԻՐՅԱՆ – Խ. Աբովյանի «Վերք Հայաստանի» վեպի ռուսերեն թարգմանությունը – Հայ նոր գրականության պատմության մեջ այս առաջին վեպը երկար ժամանակ համարվում էր անթարգմանելի՝ երկում տեղ գտած լեզվական շերտերի բազմազանության պատճառով: Հոդվածում դիտարկվում են թարգմանական այն տարատեսակ հնարքները, որ կիրառել է Ս. Շերվինսկին՝ ստեղծագործության ազգային առանձնահատկությունները, ինչպես նաև վեպին բնորոշ ոճաբանական «բազմաձայնությունը» վերատեղեցիկ: Հատուկ ուշադրություն է դարձվում հայերենին բնորոշ կաղապարների, դարձվածքների, ասացվածքների և այլ իրույթների ռուսերենով վերարտադրման հնարքներին:

Բանալի բառեր – Խ. Աբովյան, «Վերք Հայաստանի», Ս. Շերվինսկի, ազգային բնութագիր, ոճաբանական «բազմաձայնություն», դարձվածքների և ասացվածքների թարգմանություն

HASMIK SHATIRYAN – Russian Translation of the Novel "Wounds of Armenia" by Khachatur Abovyan. – The present article analyses the Russian translation of Kh. Abovian's novel "Wounds of Armenia" carried out by S. Shervinskiy. This first novel in the modern Armenian literature has been considered as untranslatable for a long time due to the variety of style and stylistic layers presented in it. The article includes the interpretation findings used by S. Shervinski while recreating the national flavor, as well as the stylistic «polyphony» inherent in the novel. Particular attention is paid to the translation methods of the Armenian stable constructions, phraseological units, proverbs and other realia into Russian.

Keywords: Kh. Abovyan, "Wounds of Armenia", S. Shervinsky, national flavor, stylistic polyphony, translation of phraseological units and proverbs